

Кодекс чести

Начало пути
русского
офицера

УДК 355/359

ББК 68.4

К57

К57 **Кодекс чести.** Начало пути русского офицера. — М. :
РИПОЛ классик. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-519-63940-8

Вниманию читателя предлагается уникальный сборник свидетельств и мемуаров молодых русских офицеров конца XIX — начала XX века в составлении доктора исторических наук Игоря Николаевича Гребенкина.

Кроме того, в состав издания входят «Советы молодому офицеру», написанные во время Русско-японской войны 1904 года ротмистром Валентином Кульчицким и ставшие, по сути, кодексом чести русского офицера.

УДК 355/359

ББК 68.4

ISBN 978-5-519-63940-8

© Гребенкин И. Н., составление,
вступительная статья, 2017

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

РУССКИЙ ОФИЦЕР НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Болевые реформы второй половины XIX века открыли в истории России эпоху перемен, затронувших все сферы жизни государства, все его институты, все общественные слои. Не в последнюю очередь изменения должны были коснуться национальной обороны: вооруженных сил и их кадровой основы — офицерства. Одна из центральных реформ — военная — ставила в числе важнейших своих целей превращение офицерского корпуса в профессиональную группу, в основе отбора которой лежали бы исключительно профессиональная подготовка и профессиональные качества.

По мысли главного идеолога реформы, военного министра генерала Д. А. Миллютина, путь к офицерской карьере лежал через получение специального образования, которое было бы доступным для молодых людей, имеющих общее среднее образование и сознательно избравших военную службу как будущую профессию. В записке, посвященной состоянию и перспективам развития военно-учебных заведений, Миллютин писал: «Первоначальный материал для формирования офицеров должны составлять юнкера, принимаемые на службу по окончании домашнего воспитания или в каком-либо гражданском заведении и выдержавшие экзамен из общих наук не ниже гимназического курса. Затем самое подготовление к офицерскому званию должно состоять в практическом оз-

накомлении юнкеров со всеми требованиями и условиями военной службы при самих войсках и вместе с тем в приобретении необходимых для офицера научных военных сведений в особых юнкерских училищах»¹.

Предложенная министром схема подготовки офицеров была в основном реализована в пореформенные десятилетия и к началу XX века выглядела следующим образом: молодые люди, получившие общее среднее образование в гимназии, реальном училище или кадетском корпусе, поступали в военное училище, дававшее специальное военное образование. В дальнейшем офицер при наличии необходимых данных мог пройти курс специальной офицерской школы либо получить высшее военное образование, окончив одну из военных академий. До 1911 г. продолжали существовать юнкерские училища, контингент которых составляли лица с неполным средним образованием, преимущественно недворянского происхождения. Постепенным переводом на военно-училищные курсы они были реформированы в военные училища, однако их вклад в подготовку офицеров для российской армии в предшествующие десятилетия был весьма велик. Особое место в системе военных учебных заведений занимал Пажеский корпус, критерием отбора учащихся для которого являлось служебное и, соответственно, сословное положение предков. Его выпускники имели право выбора места службы и в подавляющем большинстве направлялись в гвардию.

Офицерский корпус как сообщество отличался высокой степенью фрагментированности, отражавшей неоднородность, характерную для российского общества в целом. Существенно различалась сословная картина для офицерского состава различных родов войск. В самом массовом из них —

¹ Столетие военного министерства 1802—1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. III. СПб., 1914. С. 194.

армейской пехоте — потомственных дворян было только 39,6%, в кавалерии — 66,7%, в артиллерии — 74,4%, в инженерных войсках — 66,1%. Таким образом, доля офицеров-дворян заметно выше была в тех родах войск и частях, где служба отличалась большей престижностью и обещала более быструю карьеру. На вершине офицерской иерархии находились элитные группы — офицеры гвардии и Генерального штаба, отличавшиеся от массы армейского офицерства характером и перспективами службы. В гвардии доля офицеров-дворян была еще выше, чем в среднем по армии: в кавалерии — 96,3, в пехоте — 90,5, в артиллерии — 88,7%. Именно в полках лейб-гвардии традиционно несли службу представители наиболее знатных и богатых дворянских фамилий, а принадлежность к конкретному гвардейскому полку являлась фамильной традицией и гордостью дворянских семейств. К тому же «стоимость жизни» гвардейского офицера не позволяла ему существовать только на положенное жалованье, что устанавливало своего рода гвардейский «имущественный ценз». Служивший в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку ротмистр Н. В. Воронович вспоминал: «Несмотря на то что полк наш был очень скромный, служба в гвардии связана с большими и непосильными для многих расходами... Гвардеец тратил втрое больше на стол и вчетверо больше на обмундирование, чем армеец»¹.

Наиболее верным средством к успешной карьере для офицеров со скромным происхождением являлось прохождение курса военной академии, главным образом Академии Генерального штаба. Основным критерием отбора для новой военной элиты — службы Генерального штаба — являлись профессиональные качества и способности, проявленные в период обучения в академии, что закономерно отодвигало на

¹ Воронович Н. В. Вечерний звон // Потонувший мир. М., 2001. С. 133.

второй план вопросы происхождения и состоятельности. По этой причине среди офицеров службы Генерального штаба численность дворян к началу XX века была даже несколько ниже общеармейского уровня — в среднем, в переделах 40%¹. Однако даже высшее военное образование не было безоговорочным условием успешной военной карьеры. Современник вспоминал: «Ни одна из военных академий не давала своим питомцам прав на головокружительную карьеру. Пожалуй, даже и пресловутая Академия Генерального штаба. Если же из числа питомцев последней и попадались лица, вознесенные судьбою с течением лет на высокие ступени военной или военно-административной лестницы, то исключительно только из числа офицеров гвардии... Кто станет отрицать, что заведомо неспособный, абсолютно не успевший в науках гвардейский гусар граф С. был выпущен в Генеральный штаб только благодаря его графскому титулу и пестрому мундиру Гродненского полка?»².

К сожалению, не были исключением и противоположные случаи, когда офицеры, показавшие выдающиеся профессиональные данные и успехи в учебе, не получали соответствующей оценки и продвижения по службе. Примерами тому можно считать судьбы выпускников Академии Генерального штаба К. Л. Гильчевского, В. И. Селивачева, А. И. Деникина и многих других. В силу этих обстоятельств типичными внутри офицерского корпуса являлись отношения розни между армией и гвардией, представителями разных родов войск, дворянскими «верхами» и демократичными «низами», соперничество среди выходцев из гвардии и Генерального штаба в кругах генералитета.

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики СССР 1917—1920 гг. М., 1988. С. 23.

² Барт А. На фронте артиллерийского снабжения // Былое. 1925. № 5 (33). С. 198—199.

Для дореволюционной России достаточно характерной была ситуация, когда различные общественные группы и слои по тем или иным причинам оказывались изолированными в особом этическом и даже правовом поле. Обособленности офицерской корпорации от остальной части общества наряду со спецификой профессиональной деятельности способствовала определенная система этических норм и ценностей, тщательно культивируемая в среде офицерства и сохранявшаяся как в виде традиций, так и в форме кодифицированных дисциплинарных требований.

Центральное место в системе этих норм принадлежало категории офицерской чести, понимаемой как особый нравственный статус, отличающий офицера от прочих, и в первую очередь гражданских, лиц. Данный неписаный кодекс устанавливал отношения высокой взаимной ответственности каждого офицера перед сообществом, и наоборот — всей корпорации за каждого своего члена. Он требовал от офицеров соблюдения отношений товарищества, взаимовыручки, солидарности в отстаивании чести мундира; недопустимыми считались злословие, сплетни, доносительство, а также разглашение фактов, имевших место и касавшихся жизни офицерской среды¹. Ощущение собственной исключительности начинало прививаться будущим офицерам с первых дней обучения в военно-учебных заведениях — кадетских корпусах, юнкерских и военных училищах. Совершенно логичным обоснованием общественной исключительности офицерства служило их высокое предназначение — защита Отечества с оружием в руках, предводительство войска. Офицер — вооруженный защитник Отечества — должен был являться носителем высоких нравственных качеств. Уже среди кадетов

¹ См.: Морихин В. Е. «Офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде». Забытые традиции русского офицерского корпуса // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 44—52.

и юнкеров особенно нетерпимыми считались любые проявления нечестности, угодничество перед начальством, предательство.

Реальная жизнь всегда сложнее книжных представлений о ней, и понимание кодекса чести будущими офицерами проходило суровую проверку в условиях повседневности. Интересные наблюдения принадлежат А. И. Деникину, который в 1890—1892 гг. обучался в Киевском юнкерском училище: «Обман, вообще и в частности наносящий кому-либо вред, считался нечестным. Но обманывать учителя на репетиции или экзамене разрешалось. Самовольная отлучка или рукопашный бой с „вольными“ <...> вообще действия, где проявлены были удаль и отсутствие страха ответственности, встречали полное одобрение в юнкерской среде... Особенno крепко держалась традиция товарищества, в особенности в одном ее проявлении — „не выдавать“. Когда один из моих товарищей побил сильно доносчика и был за это переведен в „третий разряд“, не только товарищи, но некоторые начальники старались выручить его из беды, а побитого преследовали¹. Доблесть недоносительства фактически могла входить в противоречие с требованиями подчинения старшим и соблюдения воинской дисциплины, однако существуют многочисленные свидетельства о более или менее явном поощрении недоносительства начальниками, что, по их мнению, должно было служить воспитанию у будущих офицеров корпоративной спайки². Таким образом, уже на этапе формирования будущих офицеров закладывалась иерархия ценностей, в которой над формальными со всей очевидностью превалировали групповые, неписа-

¹ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 45.

² См. напр.: Зайончковский П. А Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 24.